

— Мне кое-что известно о «твоём» прошлом. Мать Тан Фэна сотрудничала с режиссёром Ван Анем. У них были дружеские отношения, но Тан Фэн всегда считал их отношения куда более близкими и говорил об этом посторонним. Было у них что-то или нет – не знаю, но Ван Ань теперь «тебя» недолюбливает, особенно учитывая тот факт, что после смерти матери «ты» разбазарил всё своё наследство. — Лу Тянь Чэнь взял Тан Фэна за руку. — Если твоя затея не сработает, выбери другой фильм. Если ты действительно пойдёшь к режиссёру Ван Аню, то не удивляйся, если тебя встретят закрытые двери.

Тан Фэн не отступил и даже, напротив, почувствовал боевой дух. Он с улыбкой сказал:

— Это не имеет значения. Настоящий большой режиссёр не станет «подписывать актёру смертный приговор» из-за личной неприязни. Надеюсь, я смогу разрешить разногласия между Ван Анем и Тан Фэном, и у меня всё получится.

— Неплохая идея. Но я забыл сказать: общаться с ним очень тяжело.

Два дня спустя Тан Фэн встретился с директором Ван Анем, когда приехал на студию к Чэнь Мин Сюю. Только тогда он, наконец, понял значение последней фразы Лу Тянь Чэня.

За два дня до встречи с режиссёром Ван Анем, Тан Фэн прочитал всю его биографию, включая все его работы.

Думая, что он достаточно подготовился, Тан Фэн прибыл на встречу точно ко времени, назначенному Чэнь Мин Сюем. В это время Ван Ань готовился к съёмкам шоу и сидел на диване, болтая с Чэнь Мин Сюем и другими людьми из команды шоу.

— Тан Фэн, ты здесь! — едва увидев приближающуюся фигуру мужчины, Чэнь Мин Сюй представил его режиссёру, сидящему на диване и попивающему чай. — Директор Ван, это Тан Фэн. Он уже не новичок: он только что закончил сниматься в фильме режиссёра Ли Вэя. За этот фильм он был удостоен на Венецианском кинофестивале наград «Лучшему актёру» и «Лучшему новичку», что является беспрецедентным для этого мероприятия.

Ван Аню на вид было чуть за пятьдесят. Это был стройный темноволосый мужчина с необычайно ярким и живым взглядом. В его глазах словно отражались два острых клинка.

«Неужели все топовые режиссёры видят актёров насквозь?» — вдруг подумал Тан Фэн, увидев этот пронзительный взгляд.

Этот «большой режиссёр» даже не удостоил Тан Фэна взглядом. Продолжая медленно потягивать чай, он холодно произнёс:

— Я слышал, что он сыграл хорошо, но я ещё не смотрел этот фильм.

— Директор Ван, посмотрите: это очень хороший фильм.

В этом обращении не было ничего смущающего, поскольку Тан Фэну было 40 лет, а Ван Ань был старше его больше чем на десять лет.

— Можешь идти.

Внезапно атмосфера в гостиной стала неловкой и напряжённой. Но Тан Фэн не дрогнул и спокойным естественным (насколько это было возможно) тоном произнёс:

— Директор Ван, Вы очень добры.

— Сяо Сюй, сколько у нас времени до начала съёмок? — директор Ван Ань просто проигнорировал Тан Фэна, и независимо от того, смутился тот или нет, оставил его без внимания.

— Осталось десять минут. Разве Вы сейчас не готовите новый фильм и не ищете на роль многообещающего актёра-новичка? Я думаю, Тан Фэн очень хорош. Он молод и у него отличные актёрские способности. Не могли бы вы поговорить об этом? — Чэнь Мин Сюй быстро потянул за собой мужчину, который всё ещё стоял в дверях.

Ван Ань, рассмеявшись, указал на Чэнь Мин Сюя пальцем:

— Ты, парень, умеешь говорить хорошие вещи о бессовестных людях. Скажу тебе правду: я ищу новичка, а он уже получил статуэтку. Такое не входит в мои планы.

— Если у меня есть актёрские способности и хорошие роли, почему режиссёру нет до этого дела?

Тан Фэн был уверен, что не важно - новичок он или нет.

Вместо того, чтобы адаптировать персонажа фильма к актёру, сам актёр должен перевоплощаться в своего персонажа.

— Слышал, что ты многое забыл после выписки из больницы и даже стал человеком, но это не отменяет всего того, что произошло. Помнишь ты или нет - этого уже не изменить. Не знаю,

почему Сяо Сюй ручается за тебя, но я должен извиниться перед Сяо Сюем.

Директор Ван Ань встал и сказал Тан Фэну:

— Пожалуйста, уходи. Я скоро буду сниматься и не хочу, чтобы ты меня беспокоил. И да, не пытайся приходить снова и пытаться заговорить со мной о фильме.

— Я не стану беспокоить Вас, но как актёр, я хочу спросить у режиссёра: правильно ли это - позволять личным чувствам вмешиваться в работу? — Тан Фэн неизбежно чувствовал себя неловко.

— Я режиссёр. Я могу снимать так, как захочу. Я могу снимать тех, кого захочу. И мне не нужен для этого ты. — его лицо стало уродливым, и он сердито указал на дверь. — Не думаю, что снимать лауреата Венецианского кинофестиваля - хорошая идея. Киноиндустрия не такая, как ты думаешь. Уходи, не будь таким назойливым: это некрасиво выглядит.

Его слова становились всё жестче, и Тан Фэн больше не видел смысла здесь оставаться.

Он лишь покачал головой, взглянул на Ван Аня и вышел за дверь, ничего не сказав на прощание.

Он был немного зол, но не потому, что режиссер Ван Ань смешивал личную обиду с работой над фильмом, а потому, что такой знаменитый режиссёр оказался столь недалёким человеком.

Независимо от того, что произошло между ними в прошлом, работа есть работа, а жизнь есть жизнь.

Никакой уважающий себя профессиональный режиссёр не должен смешивать личные обиды работой, да ещё и заявлять во всеуслышание: «Я могу снимать так, как захочу. Я могу снимать тех, кого захочу».

Этот жуткий «характер» разочаровал даже спокойного и миролюбивого Тан Фэна.

К сожалению, встречаются и такие режиссёры...